
Королёв В.К.

**ОПЫТ ОКТЯБРЯ В ПРОБЛЕМАТИКЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА***

Korolev V.K.

October experience in the problems of cultural discourse

Обращаясь к вековому юбилею революции 1917 г., автор выделяет три главные проблемы, от которых зависит восприятие событий столетней давности и последующих, важных для оценки судьбы культуры рассматриваемого исторического периода.

Первая проблема: культура является только духовным творчеством, или она есть целостный образ жизни человека и общества, проблема вторая – культура есть творчество элиты «деятели культуры» – интеллигенции, являющейся ее субъектом, или она воплощает деятельность всего народа, имеющего свою культурную субъектность; третья проблема – революция есть «прорыв» в новое, светлое, прогрессивное будущее, или она воплощает трагический «конец света» старого, традиционного?

Эти проблемы не только пронизывают обыденное понимание культуры, но имеют и теоретическое значение. А самое главное – от их решения зависит оценка судьбы отечественной культуры за последнее столетие, о чем идут жаростные споры в постсоветский период.

**Королёв В.К.* Опыт Октября в проблематике культурологического дискурса // Мир культуры и культурологии: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017–2018. – Вып. 6. – С. 195–200.

Для обоснования своей позиции автор предварительно делает три замечания. Первое: надо разделять культурное содержание двух революций 1917 г. – Февральской (буржуазно-социально-демократической) и Октябрьской (социалистической). Целесообразно акцентировать внимание на роли и судьбе культуры России рассматриваемого столетнего периода именно революции Октябрьской, положившей начало становлению нового образа жизни.

Второе: прошедший с 1917 г. век четко делится на три периода – собственно советский (1918–1985), переходный «перестроечный» (1985–1991) и постсоветский (1992–2017), которые можно характеризовать через понятия «культура», «субкультура» и «контркультура» (соответственно).

Третье: главное внимание следует уделить трансформациям культуры в советский период, ибо он воплощает саму культурную революцию как коренное изменение всего образа жизни, культурного кода, парадигмы понимания культуры.

В постсоветский период доминирует представление, что Октябрьская революция нанесла (смертельный) удар по замечательной («высококультурной») дореволюционной культуре России: «философские парадоксы», гонения на благородную интеллигенцию со стороны диктаторской власти некультурного, «дворянского быдла», «шариковых», а также на церковь, подавление политических и духовных свобод, классовая критика культуры старой «до основанья, а затем...» и т.п.

В условиях кардинального слома старого образа жизни, духовного кризиса понятна критика Октября, его неприятие интеллигенцией. Дело не только в жестокостях данного политического катаклизма, а в том, что советская власть пошла на смену субъекта культуры, ее творца и носителя – место интеллигенции было отдано «народу» в лице, прежде всего, пролетариата. По мнению автора, негативное отношение большинства интеллигенции к Октябрю было вызвано не столько опасениями за судьбу старой, классической культуры, часто отвергаемой в реакционном революционном угаре 1920-х годов, сколько лишением интеллигенции ее культурной субъектности, элитарного положения в обществе (что прекрасно показал М.А. Булгаков в своем «Собачьем сердце»). Исходя из этого автор делает вывод об антисоциальной природе интеллигенции. (В России этот диагноз за десять лет

до революции ведущие интеллигенты сами поставили себе в сборнике «Вехи».) Вместе с тем, как это ни парадоксально, именно интеллигенция была ведущей силой революции, как идейно, так и в кадровом отношении (вспомним состав первого советского правительства).

Октябрь положил начало культурной революции, а не просто революции в «культуре»: изменился весь образ жизни страны, все его сферы. Советская культура 1917–1986 гг. была попыткой созидания справедливого образа жизни. Этот эксперимент не прошел испытания временем по причине своей неестественности, несоответствия такой культуры греховной природе человека: ее ограничения, присущие любой культуре, оказались слишком жесткими для человека; переделать, исправить его за семь десятков лет советского периода не удалось.

Кроме того, культура советского периода была вынуждена соревноваться с культурой Запада, главной силой которой является «легализация» греховности человека и потребительский комфорт. Советская проиграла это соревнование, ибо западная не столько борется с порочностью человека (как простодушная советская), сколько направляет, адаптирует ее проявления, за что человек прощает ей все недотатки.

Примечательно, что главную роль в «перестроечном» отказе от советской культуры, в разрушении ее ценностей сыграла опять-таки советская интеллигенция, – новая, вышедшая из «низов». Со временем она возомнила себя вершителем судеб, властителем умов. Это ярко проявилось в перестройку, когда именно интеллигенция открыто и целенаправленно призвала к отказу от социализма как образа жизни, началась тотальная переоценка ценностей.

Постсоветская власть, зная антисоциальную природу интеллигенции, умело усмирила ее гордыню, «поставила на место» как ухудшением материального положения массовых «деятелей культуры», так и игнорированием их духовных изысков. Почувствовав всю силу власти, нынешняя интеллигенция (как и ранее – советская, за редчайшими диссидентскими исключениями) привычно занимает в целом сервильную позицию: отборная, обогатившаяся и привластная культурная «элита» деградацию собственно культурной жизни, в лучшем случае, старается не замечать, делая коммерческую «культурку-халтурку», потребительско-развлекательную, но не социально-духовную, а основная масса интеллигенции, если и поняла ситуацию,

не бьет тревогу по поводу судьбы страны, ее культуры как из-за боязни не угодить власти, так и из-за гордыни непризнания ошибочности своих перестроечных надежд на свободное культурное бытие постсоветской России. Естественно, подчеркивает автор, такая интеллигенция и не претендует на социокультурную субъектность.

Главная проблема современной российской культуры состоит в том, что при полном безмолвном «сосредоточении» народа наша элита – политическая, экономическая, интеллектуальная: 1) имманентно имеет западный вектор своих культурных устремлений (но при этом жестко рассорилась с Западом); 2) такой «тренд», кроме ссоры, деформируется генотипом отечественной культуры как гомогенно незападной (об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Запад никогда, со времени первого знакомства с Русью, не признавал ее «своей»); 3) выступает как «контркультурная» по отношению к культуре советской, но не может полностью порвать с ней, ибо та была периодом высшего расцвета российской цивилизации. И синтез всех этих культур никак не получается «органическим», если он вообще возможен.

Э. Ж.